

Н.Л. Шилова

ОСТРОВ КИЖИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»

В статье рассматриваются примеры литературной репрезентации острова Кижы в русской литературе конца 1950-х – 1960-х гг. и некоторые причины интереса к нему со стороны авторов этого периода. Особое внимание уделяется произведениям «шестидесятников» – Ю. Казакова, А. Вознесенского, Р. Рождественского, популярность которых совпала с популярностью Кижского погоста. Предмет анализа – характерные образы и мотивы, пути интерпретации и мифологизации островного ландшафта.

Ключевые слова: остров, Кижы, художественное пространство, репрезентация, путешествие, русская литература XX в., северный текст.

В произведениях советских «шестидесятников», чей творческий путь начался, а художественный метод сформировался в период «оттепели» конца 1950-х – 1960-х гг., неоднократно встречаются образы и сюжеты, связанные с островом Кижы. Таков, например, рассказ Ю.П. Казакова «Адам и Ева» (1962), стихотворения А. Вознесенского «Киж-озеро» (1964), «Притча о мастерстве» В. Бетаки (1965). Тема получила развитие и в последующие годы в стихах Р. Рождественского «Мы стоим перед Кижским собором одни...» (1971), «Кижы» (1972), Е. Евтушенко «Пожарник в Кижях» (1987) и др.

В 1960–70-х гг. вообще появляется основной массив произведений о Кижях в советской печати, название острова регулярно возникает на страницах журналов в заглавиях стихотворений, путевых очерков, новелл. Часть этих текстов написана авторами, чья биография была связана с Карелией. Так, Роберт Рождественский несколько лет прожил в Петрозаводске. Многие тексты созданы поэтами, писателями, краеведами из Петрозаводска и Заонежья – Иваном Костиным, Олегом Мишиным, Виктором Пулькиным. Но не менее часты примеры, когда литераторы целенаправленно отправлялись на остров Кижы, а впечатления от этих поездок переплавлялись впоследствии в художественные тексты, более или менее удачные.

Интерес «шестидесятников» к Кижам неслучаен. С одной стороны, здесь видна работа временного фактора: «оттепель» стала периодом открытия для многих людей бывшего прежде труднодоступным северного острова. Переломным моментом в судьбе места, а равно и в формировании его литературной репрезентации станет организация в 1950-е гг. государственного музея-заповедника. В эти годы здесь начинается реставрация Преображенской церкви. С середины 1950-х гг. сюда организуют доставку первых туристов: «В 1955 г. Кижский архитектурный заповедник официально принял первых посетителей. В штате появилась должность экскурсовода, а для обеспечения порядка были выделены два дежурных милиционера. Экскурсанты прибывали на остров на пароходе, швартовавшемся к причалу прямо напротив архитектурного ансамбля. Кижский погост стал экскурсионно-туристическим центром, представляющим культурно-просветительский и научный интерес» [1. С. 17].

С этого момента остров становится доступен для посещения, а слава его растет с умножением количества посетителей. Сохранившиеся в архиве отчеты за 1968 г. приводят по этому поводу следующую статистику: «...если после перевозки и реставрации первых памятников в 1956 г. в Кижях побывало ок. 5000 чел., а с началом организации экскурсионного обслуживания (когда Кижы стали филиалом Карельского государственного музея) в 1961 – 19 123 чел., то с созданием самостоятельного музея в 1966 г. – уже 49 507 и в 1967 – 64 200 чел. Одновременно растет поток иностранных туристов. В прошлом году их побывало в Кижях 827 чел. из 12 стран мира» [2. Л. 25]. В «Книгах отзывов» 1960–1970-х гг. записи на разных языках, автографы певцов, космонавтов, ученых, поэтов. Петрозаводский критик Тармо Кирьянен в статье 1971 г., специально посвященной кижской теме в лирике 1960-х, даже несколько иронизировал над популярностью темы и тем, как она коррелирует с туристической популярностью острова: «Популярность темы Кижей в поэтическом мире очевидна. Поскольку поток «кижских» стихов не убывает, а к концу очередного туристического сезона грозит выплеснуться новым половодьем на страницы столичных и местных изданий <...>» [3. С. 117].

С другой стороны, Кижский погост приобрел мгновенную славу и потому, что, по всей вероятности, ответил на возникшие новые социальные, культурные и духовные запросы. В том числе это был запрос на освоение «национального», «исторического», поиск тра-

диции, социальной, культурной и духовной, пришедший на смену пафосу «борьбы со старым миром» в официальной советской культуре 1920–1930-х гг. О «примечательном интересе» «широких кругов советского общества, и особенно молодежи, к отечественной старине, древнему зодчеству, живописи и прикладному искусству, памятным событиям отечественной истории» в 1969 г. написал в «Новом мире» критик Дементьев, указав на поездки многочисленных групп молодежи «на Север, в Кижы, в Соловецкий монастырь, посмотреть древнерусские города и сёла» [4. С. 216].

Действительно, наряду с Ферапонтово и Соловками путешествия в Петрозаводск и Кижы становятся в этот период знаковым жестом для целого поколения и писателей, и читателей. И если академические исследования на эту тему пока трудно найти, то в воспоминаниях о 1960–1970-х гг. свидетельств об этих поездках достаточно много. Ср., например, характерное воспоминание Виктора Ерофеева в мемуарном фрагменте о «шестидесятниках», где говорится о юношеских контактах с семьёй филолога К. Чистова, жившего тогда в Петрозаводске, и поездке в Карелию: «Я съездил в Петрозаводск, в Кижы – я готов был любить святую Русь, авангард, интеллигенцию, французский сыр – все, что угодно, кроме советской действительности и моей жизни с бабушкой» [5. С. 653]. «Всё, что угодно, кроме советской действительности», это, конечно, радикально заострённая форма, которая вряд ли может быть отнесена ко всему кругу литературы «оттепели». Однако элементы «инаковости» поколению «шестидесятников» определённо были свойственны. И это нашло отражение в том числе и в кижских сюжетах.

Приезжают писатели на остров в этот период по-разному и с разными целями. Кто-то с громкими визитами в составе официальных делегаций. Кто-то почти тайком в поисках первозданной тишины и ответов на вечные вопросы. В числе последних – Юрий Казаков. Его визит на остров был неслучаен: Казаков двигался маршрутом одного из своих любимых писателей и учителей в литературе – Константина Паустовского, который побывал на острове по случаю в 1930-х гг. Короткое и поэтичное воспоминание об увиденных храмах вошло в состав очерка в книге «Золотая роза», опубликованной в конце 1950-х гг. Казаков «Золотую розу» тогда прочитал и восторженно высказался о ней в личном письме Паустовскому. Уже побывавший к тому времени на Соловках и на Белом море, Казаков отправился на остров Кижы через Петрозаводск осенью и ос-

тался там на десять дней. Позднее, в 1962 г., кижский осенний ландшафт будет детально воспроизведён в рассказе «Адам и Ева» [6]. В рассказе столичный и остро конфликтующий со своей средой художник Агеев буквально сбегает на Север, чтобы писать рыбаков. Трёхсотлетняя церковь и озеро – важнейшие символические локусы рассказа. Драматичная любовная история, сюжетообразующая для рассказа, завершается тем, что приехавшая с Агеевым возлюбленная покидает Сег-Погост (так назван остров в рассказе), Агеев же остаётся на нём один, в «немой тишине» тёмного острова с древним храмом на нём.

Мотивы инаковости, разнообразно проявляющие себя в художественной структуре рассказа Казакова, заданы или, по крайней мере, поддерживаются спецификой места, где происходят основные события. По справедливому замечанию В. Айрапетяна, островное пространство вообще имеет устойчивую семантику автономности, инаковости, выключенности из большого мира: «Обособленность, отделенность от большой земли делает остров, речной, озерный или морской, идеальным местом чудес и приключений, спасения, но и ссылки, рая или ада» [7. С. 125]. Храм на острове только подчёркивает маркированность. Остров с церковью – это место, в котором буквально сконцентрированы небытовые характеристики. Особенности ландшафта задают дополнительные символические смыслы: история мужчины и женщины в XX в. показана сквозь призму библейских мифологем, образов Адама и Евы.

«Инаковым» по отношению к официальной идеологии был тогда и христианский подтекст, который появляется в произведениях «шестидесятников», в том числе в связи с образом кижских храмов. Он легко обнаруживается, например, в стихотворении А. Вознесенского «Киж-озеро» (1964):

Мы – Киж,
Я – киж, а ты – кижиха.
Ни души.
И все наши пожитки –
Ты, да я, да простенький плащишко,
да два прошлых,
чтобы распроститься!.. [8. С. 183].

Поэтический сюжет стихотворения – романтическое бегство от цивилизации и поиск пространства гармонии:

<...> надоело прятаться и мучиться,

лживые обрыдли стеллажи,
люди мы – не электроужи,
от шпионов, от домашней лжи
нас с тобой упрятали Кижы [8. С. 183].

Однако это не просто бегство от прозы и быта. Остров и его храмы вносят в текст ассоциативный план, сближая на уровне сопоставления путешествие и религиозные практики паломничества:

Раньше в скит бежали от грехов,
Нынче удаляются в любовь [8. С. 184].

Сложно сказать, чего в этих строках больше: противопоставления современности старине – раньше в скит, а теперь в любовь. Или сопоставления – так же как раньше в скит, так и мы в любовь. Порядок развития поэтического сюжета ориентирует скорее на второй вариант истолкования, поскольку в следующих строках герояinia входит в храм:

Горожанка сходит с теплохода.
В сруб вошла. Смыкаются над ней,
Как репейник вровень небосводу,
купола мохнатые Кижей [8. С. 184]¹.

Тенденция к преодолению, осложнению советского литературного, а точнее, идеологического канона заметна и в стихах о Кижях Роберта Рождественского, где появляются евангельские мотивы, в этом случае тоже как бы узаконенные самим ландшафтом острова. Например, стихотворение Р. Рождественского «Кижы» (1972) открывается словами, отсылающими к известной строке Евангелия от Иоанна:

Да, сначала было слово!..
Зоревая позолота облетела с небосклона, и звучало слово так:
Мы – отсюда.
Мы – карелы.
Мы – тонули.
Мы горели.
Мы до старости старели.
Нас не купишь за пятак [9. С. 9].

¹ Об этом интересе поэзии 1960-х к старинным русским храмам А. Дементьев с тревогой писал в той же статье, цитируя стихотворение Н. Кутова «Кижы» со строками о Преображенской церкви и уходящей старине: «...нельзя не удивляться тому, что целый хор поющих в унисон критиков и поэтов с таким усердием разрабатывает тему об уважении к старине именно как «церковную тему», которая требует более продуманного и трезвого подхода и вряд ли может быть решена в состоянии экзальтации или надрыва» [4. С. 234].

На первый взгляд кажется, что евангельская цитата продолжается совершенно светским по своему характеру высказыванием с исторически-этнографическим колоритом: «Мы – карелы». Но это не совсем так. Евангельская цитата открывает текст, располагаясь в так называемом сильном месте, в самом начале. Тем более закономерным кажется в дальнейшем развитии поэтического сюжета перифраз другого евангельского места:

Ну, а если в землю канем,
нас укроют тем же камнем,
тем же самым серым камнем.
Нас укроют.
Как зерно....
Час настал.
Зерно упало.
Запахом земли пропахло.
Не сопрело. Не пропало <...>
И сумело.
И взошло.
Не березкой кособокой,
не цветочком беззаботным,
а взошло оно сбором возле медленной воды.
Он стоял легко и крупно.
К облакам вздымаясь круто,
купола светились кругло,
будто спелые плоды [9. С. 9–10].

В итоге всё стихотворение остаётся в регистре евангельской образности. Мотив зерна, упавшего в землю и принесшего плоды, заставляет вспомнить слова Христа, переданные в Евангелии от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12: 24). Евангельская притча как бы комментирует историко-культурный сюжет: возникновение храма трактуется как веха жизни народа, как её зримое проявление, символ. Храм выступает здесь в христианском значении символом преодоления смерти, перехода от временного, исторического к вечному.

Объединены многие кижские сюжеты в литературе этого периода сквозным мотивом пути. Ср. в стихотворении Вознесенского:

Спят Кижы,
как совы на нашесте,
ворожбы,
пожарища,
нашествия,
Мы свежи –
как заросли и воды,
оккупированные
свободой!
Кыш, Кижы...

...а где-нибудь на Каме
два подобья наших с рюкзаками,
он, она –
и все их багажи,
убежали и – недосыгаемы.
Через всю Россию
ночниками
их костры – как микромятежи [8. С. 184].

Тяга к странствиям приводит на северный остров и героя рассказа Казакова художника Агеева. В его сознании островное пространство противопоставлено суетному и циничному миру столиц: «Агееву было одиноко, но он сидел и сидел, покуривая, привыкая к тишине, к чистому запаху осенней свежести и воды, думая о себе, о своих картинах, о том, что он мессия, великий художник, и что он сидит в одиночестве черт знает где, в то время как разные критики живут в Москве на улице Горького, сидят сейчас с девочками в ресторанах, пьют коньяк, едят цыплят-табака и, вытирая маслянистые рты, говорят разные красивые и высокие слова, и все у них лживо, потому что думают они не о высоком, а как бы поспать с этими девочками» [9. С. 267]. По справедливому замечанию Е.Ш. Галимовой, эта тяга к странствиям стала приметой времени в период, начавшийся с конца 1950-х гг.: «Глоток свободы после десятилетий заточения пьянил, рождал надежды, «оттепель» растопила вековые льды, и жизнь пришла в движение. Движение – главная черта общественной жизни – стало и одной из главных черт литературы поколения, пришедшего к поре своего становления в эту эпоху» [11. С. 8]. И эти веяния времени выступили катализатором всеобщего интереса к путешествиям на Русский Север и в Карелию в частности.

Уединение, тишина, святость, первозданность и уникальность – вот комплекс мотивов, которые формируют «оттепельный» образ острова Киж, часто в противопоставлении суетному миру современности. Литературная репрезентация места в этот период использует готовую мифологию, черпая её из исторических преданий и местного фольклора. Процессы мифологизации кижского ландшафта в это время очень активны. Чуткий ко всем окружающим веяниям поэт Евтушенко в 1968 г. запишет в книге особо почетных гостей: «Киж – это как поэзия Пушкина – без единого гвоздя» [12. Л. 7]. Две легенды удастся Евтушенко совместить в одной фразе. Пушкин – легенда русской поэзии, поэт-миф, «наше все». Вторая легенда – локальная, это популярное предание о феноменальном мастерстве кижских плотников, создавших, согласно распространенному преданию, Преображенскую церковь без единого гвоздя. Поставленное в единый ряд с двумя мифами, название острова само приобретает мифологический оттенок. И действительно, третий миф – становящийся, образ Кижей – далекого северного острова, сказочной земли. Архаическая, фольклорная, воспринятая и усиленная литературной традицией семантика острова как особого пространства, места чудес мгновенно актуализируется с началом массовой славы Кижей. В конце 1960-х гг. Киж в массовом сознании уже не обычная географическая точка, но символический топоним, «как поэзия». Иными словами, больше, чем остров.

Литература

1. *Музей-заповедник «Киж»*. 40 лет / ред.-сост. И.В. Мельников. Петрозаводск: Скандинавия, 2006.
2. *Национальный архив Республики Карелия*. Ф. Р-3474 Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж» (1966–1975). Дело № 6.
3. *Кирьянен Т.* Уроки заонежских мастеров // Север. 1971. № 7. С. 117–122.
4. *Дементьев А.* О традициях и народности: (Литературные заметки) // Новый мир. 1969. № 4. С. 215–235.
5. *Ерофеев В.* Хороший Сталин // Ерофеев В. Избранные. М., 2006. С. 433–734.
6. *Шилова Н.Л.* Адам и Ева на острове Киж: об одном сюжете Юрия Казакова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. № 4. С. 67–73.
7. *Айрапетян В.* Русские толкования. М.: Языки русской культуры, 2000. 208 с.
8. *Вознесенский А.В.* Ахиллесово сердце. М.: Худож. лит., 1966. 280 с.
9. *Рождественский Р.* Собрание сочинений: в 3 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 3. 575 с.
10. *Казаков Ю.П.* Собрание сочинений: в 3 т. М.: Русский мир, 2008. Т. 1. 368 с.

11. Галимова Е.Ш. Художественный мир Юрия Казакова. Архангельск, 1992. 172 с.

12. Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-3474 Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь» (1966–1975). Дело № 1/8.

Shilova, Natalia L. Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: shilova@petrsu.ru

THE KIZHI ISLAND IN RUSSIAN LITERATURE OF THE KHRUSHCHEV THAW

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2016, 2(6), pp. 136–145. DOI: 10.17223/24099554/6/9

Keywords: island, Kizhi, art space, representation, journey, Russian literature of the 20th century, Northern text.

This article discusses the representations of the Kizhi island in Russian literature of the end of the 1950s–1960s and what caused the writers' reference to this place. The particular attention is given to the works of “the Sixtiers” (the literary generation of the 1960s) – Yu. Kazakov, A. Voznesensky, R. Rozhdestvensky, whose popularity coincided with the popularity of the Kizhi among tourists. The research is based on literary texts, literary criticism in the central and local press, and archive documents from the Museum-Preserve “Kizhi”.

The 1960s–1970s gave most of the works about Kizhi in the Soviet press – poems, travel essays, short stories. Kazakov looks for seclusion here. Evtushenko compares the Transfiguration Church with Pushkin's poetry. It is not by chance that the Sixtiers get interested in Kizhi: the Khrushchev Thaw was a period when many people discovered this Northern island that used to be inaccessible before. Besides, the Kizhi Pogost became very popular because it responded to new social, cultural and spiritual needs. Among those was a request for the “national”, “historic”. This search substituted the pathos of unification and “struggle with the old world” in the official Soviet culture of the 1920s–1930s.

The literary material allows defining images, motifs, interpretations and ways of island landscape mythologization. Solitude, silence, holiness, virginity and uniqueness make a set of motifs to shape the image of the Kizhi of the period, often opposing it to the vanity of the modern world. The literary representation of the island in this period often employs the already-existing mythology of historical legends and local folklore. The specificity of the island landscape and history, mostly the architectural ensemble of the Transfiguration and Intercession Churches, is shown in the Sixtiers' texts as explicit and implicit Christian motifs, which rather unusual for the literature of the Soviet period.

The semantics of the island as a special place, “another world” is very important for the formation of the Kizhi image. The archaic, folklore semantics of the island as of a place of miracles, reinforced by the literary tradition, becomes immediately evident as soon as the Kizhi island becomes popular. As a result, in the late 1960s the Kizhi island is no longer perceived as an ordinary geographic location: for the mass consciousness it is a symbolic topos, “poetry”.

References

1. Melnikov, I.V. (ed.) (2006) *Muзей-zapovednik “Kizhi”. 40 let* [The Museum-Reserve “Kizhi”. 40 years]. Petrozavodsk: Skandinaviya.

2. National Archive of the Republic of Karelia. Fund R-3474. *Gosudarstvennyy istoriko-arkhitekturnyy i etnograficheskiy muzey-zapovednik "Kizhi"* (1966–1975) [The State Historical-Architectural and Ethnographic Museum-Preserve "Kizhi" (1966–1975)]. File 6.
3. Kirjanen, T. (1971) Uroki zaonezhskih masterov [The lessons of the Zaonezhie craftsmen]. *Sever*. 7. pp. 117–122.
4. Dementiev, A. (1969) O traditsiyakh i narodnosti (Literaturnye zametki) [About the traditions and nationality (Literary notes)]. *Novyy mir*. 4. pp. 215–235.
5. Erofeev, V. (2006) *Izbrannyye* [Selected]. Moscow: Zebra E. pp. 433–734.
6. Shilova, N.L. (2014) Adam i Eva na ostrove Kizhi: ob odnom syuzhete Yuriya Kazakova [Adam and Eve on the island of Kizhi: About one plot from Yuri Kazakov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika – Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*. 4. pp. 67–73.
7. Ayrapetyan, V. (2000) *Russkie tolkovaniya* [Russian interpretation]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
8. Voznesensky, A.V. (1966) *Akhillesovo serdtse serdsce* [Achilles' Heart]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Rozhdestvenskiy, R. (1985) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Kazakov, Yu.P. (2008) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy mir".
11. Galimova, E.Sh. (1992) *Khudozhestvennyy mir Yuriya Kazakova* [The art world of Yuri Kazakov]. Arkhangelsk: PSU.
12. National Archive of the Republic of Karelia. Fund R-3474. *Gosudarstvennyy istoriko-arkhitekturnyy i etnograficheskiy muzey-zapovednik "Kizhi"* (1966–1975) [The State Historical-Architectural and Ethnographic Museum-Preserve "Kizhi" (1966–1975)]. File 1/8.